

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Изд-во АН СССР, М., 1956, 553 стр., 1 карта

История русско-византийских отношений принадлежит к числу наиболее сложных и далеко еще не разработанных проблем, неоднократно привлекавших внимание исследователей. За последние полтора-два десятилетия вышло большое количество работ по многим важным вопросам истории Руси и Византии, существенно дополнивших, а в ряде случаев и изменивших наши представления о взаимоотношениях этих двух стран. Поэтому давно уже назрела необходимость заново пересмотреть всю историю русско-византийских отношений, дать систематический их обзор.

Решению этой сложной задачи и посвящена рецензируемая монография недавно скончавшегося крупнейшего советского византиста М. В. Левченко. Автор ставил своей целью «дать обобщающий труд по истории русско-византийских отношений — экономических, политических и культурных; рассмотреть имеющиеся в нашей научной литературе по этому вопросу точки зрения; восполнить пробелы по отдельным частным вопросам, насколько это возможно в условиях недостаточного количества источников» (стр. 31). Автор рассматривал свою работу лишь как «первую попытку марксистского освещения важной исторической проблемы» и подчеркивал, что при современном состоянии источников только небольшая часть вопросов «может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты, другие могут быть выяснены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены» (стр. 4).

Работа состоит из введения, в котором дается краткий обзор историографии проблемы и определяются задачи исследования, и одиннадцати глав: гл. I. Раннефеодальный период русской истории. IX век.; гл. II. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.; гл. III. Нападение Руси на Константинополь в 941 г.; гл. IV. Русско-византийские отношения в середине X в. и их отражение в сочинениях Константина Порфирородного; гл. V. Борьба за Болгарию во второй половине X в.; гл. VI. К вопросу о «Записке греческого топарха»; гл. VII. Крещение Руси при Владимире; гл. VIII. Русь и Византия в XI в. и гл. IX—XI, трактующих историю взаимоотношений Византии и Руси в XII—XIV вв. Как видно по названиям глав, большинство из них посвящено рассмотрению отдельных, наиболее важных, узловых проблем истории русско-византийских отношений в тот или иной период. «Каждый из этих очерков, — отмечает автор, — имеет более или менее самостоятельное значение». В связи с этим и рассматривать рецензируемую монографию представляется наиболее удобным по отдельным главам.

В первой главе исследования М. В. Левченко освещает русско-византийские отношения в IX в., в период становления феодализма и утвержде-

ния государственности в древней Руси. М. В. Левченко продолжает здесь полемику с Жермен да Коста Луйе, Анри Грегуаром и А. А. Васильевым, развернувшуюся десять лет назад в печати по вопросу о походах Руси на Византию в первой половине IX в. Эти ученые отрицали возможность походов в столь раннее время, так как, по их мнению, тогда еще не существовало какого-либо крупного славянского государства в Южной Руси. Поскольку этому их мнению противоречат свидетельство житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, ими была предпринята попытка, с одной стороны, доказать полную непригодность жития Стефана Сурожского как исторического источника и, с другой, обосновать положение, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к периоду 820—842 гг., как полагал еще В. Г. Васильевский, а к 941 г.

М. В. Левченко показывает, что приведенные этими исследователями доводы не смогли поколебать основных положений В. Г. Васильевского. Опираясь на исследование Е. Э. Липшиц «О походе Руси на Византию ранее 842 г.», в котором выводы В. Г. Васильевского были подтверждены данными стихотворений Игнатия и миниатюр лицевой Хлудовской псалтири, М. В. Левченко, подвергнув внимательному анализу жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, подкрепляет аргументацию В. Г. Васильевского и показывает научную необоснованность попыток отрицать значение жития Стефана Сурожского как исторического источника и относить данные жития Георгия Амастридского к походу 941 г.

Автор приводит новую аргументацию в пользу того, что еще до середины IX в. Византия подвергалась вооруженным нападениям Руси и что между ними существовали довольно развитые отношения. «Иначе, — пишет в заключение автор, — нельзя объяснить то хорошее знание обстановки в Византии, которое проявили русские, напав на Константинополь в 860 г.» (стр. 56—57).

Много внимания уделяет М. В. Левченко походу русских на Константинополь в 860 г., о котором сохранились значительно более многочисленные византийские и, частично, русские известия. Автор дает характеристику тяжелой внутренней обстановки в Византии в момент нападения на нее русских, когда она не могла предотвратить их нападение. Он справедливо подвергает критике малоубедительную гипотезу А. А. Васильева о том, что осада Константинополя была длительной, а также предположение последнего, основанное на единственном свидетельстве Иоанна Диакона о том, что в 860 г. Константинополь подвергся нападению не руссов, а двигавшихся с Запада норманнов. Большинство свидетелей и, прежде всего, очевидец нападения Фотий показывают, что это был кратковременный набег, окончившийся неудачно. В то же время произведенный автором анализ данных источников не подтверждает мнения Дж. Бьюри о военном поражении русских, а скорее свидетельствует о том, что, узнав о приближении крупных византийских сил, они поспешно отступили. Из сообщений Фотия видно, что руссы ушли, не столкнувшись ни с морскими, ни с сухопутными византийскими силами. Вместе с тем автор не находит в источниках подтверждения принимаемого некоторыми советскими исследователями и высказанного в «Очерках истории СССР» мнения, что византийское правительство предпочло откупиться от русских, заключило с ними договор и русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви».

Автор приходит к выводу, что «поход на Константинополь был предпринят Киевской Русью, уже подчинившей себе значительное количество соседних племен и выбравшей очень удачный момент для нападения.

Русский поход на Константинополь не был длительной блокадой столицы Византии... Он был набегом. Русские не ставили перед собой задачи захвата Константинополя и, опустошив его окрестности, вернулись домой, не преследуемые византийским войском. Этот поход на Константинополь показал Византии, что восточнославянские племена частично уже осуществили свое объединение, чего так не хотели и так боялись византийские политики. Он заставил Византию считаться с Русью как самостоятельной политической силой. Византия вскоре вынуждена была дать согласие на регулирование взаимных отношений равноправными договорами... Византийская дипломатия должна была предпринять шаги, которые могли бы оградить империю от повторения опустошительных набегов со стороны Руси и обеспечить безопасность сообщений на Черном море» (стр. 76).

Для этого византийская дипломатия обычно прибегала к пропаганде христианства. Вскоре после похода 860 г. часть русских приняла крещение. М. В. Левченко убедительно обосновывает положение о том, что «Фотиево крещение — не легенда и что с 860 г. мы можем констатировать в Киеве существование какой-то христианской общины» (стр. 88). Однако в литературе вопрос о том, была ли крещена какая-то часть Киевской Руси или крестились руссы где-то в районе Тамани, остается спорным. Не решен он в полной мере и в монографии М. В. Левченко. Все-таки непоколебленным остается факт, что Скилица (а вслед за ним Кедрин) называет русских, предпринявших поход 860 г. на Константинополь, «тавроскифами» — «народом, обитавшим около северного Тавра» (Крыма).

«Тавроскифами» называет руссов и антиохийский патриарх Иоанн (XII в.) и внимательный наблюдатель — византийский историк X в. Лев Диакон. Чем объясняется такая настойчивая традиция византийской историографии, связывающая руссов с побережьем Азовского и Черного морей, — остается пока еще невыясненным.

Обратив основное внимание на рассмотрение походов Руси на Византию IX в., М. В. Левченко несколько менее полно осветил дипломатические, торговые и культурные русско-византийские связи того времени (известия Ибн-Хордадбе, Джейхани, Генесия и др.)¹.

Рассматривая русско-византийские отношения IX в., М. В. Левченко не останавливается, в частности, в этой связи на постройке византийцами в 837 г. крепости Саркел в хазарских владениях, сооружение которой было вызвано не только нуждами защиты владений союзников Византии хазар от нападений печенегов, но и растущей заинтересованностью Византии в ограждении своих причерноморских владений от возможных набегов Руси. О том, какое большое значение, именно с этой точки зрения, придавала Византия сооружению Саркела, свидетельствуют сочинения Константина Порфирородного.

Начало X в., как отмечает М. В. Левченко во второй главе своего исследования, знаменовалось дальнейшим развитием русско-византийских отношений, обусловливавшихся тем чрезвычайно сложным социально-экономическим положением, в котором оказалась тогда Византия, и фактом образования к концу IX в. Древнерусского государства с центром в Киеве.

«В конце IX и начале X в., — пишет М. В. Левченко, — Русь уже играла значительную политическую роль, нападала на византийские владения и самый Константинополь, проникала в Закавказье, вела оживлен-

¹ Некоторые соображения о торговом пути „из Варяг в Греки“ см. в статье С. В. Бернштейн-Коган. Путь из Варяг в Греки. Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950, стр. 239 сл., а также И. П. Шаскольский. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. Географический сборник, 1954, стр. 146—147 сл.

ную торговлю в Хазарии, византийских владениях и Константинополе. На Руси уже появилось христианство, а вместе с ним и письменность. Укреплялись связи Киева с Византией. Интерес к Византии в Киевской Руси, качественно меняясь, увеличивался по мере ее хозяйственных и политических успехов» (стр. 93).

Замечательным памятником русско-византийских торговых и дипломатических отношений первой половины X в. являются договоры Византии и Руси. В главе дается разбор обширной литературы, посвященной русско-византийским договорам², причем М. В. Левченко, опираясь, в частности, на работы Г. А. Острогорского, убедительно показывает бездоказательность гипотезы А. Грегуара о болгарском происхождении договора 911 г. и о мифичности самого существования Олега.

Значительное внимание в главе уделяется анализу внутренней и международной обстановки в Византии в период, непосредственно предшествующий походу 907 г. Победа реакционных группировок в Византии привела к обострению классовых и социальных противоречий, ослаблению военно-политической мощи Византии, которая в этот период окончательно потеряла Сицилию, быстро утрачивала свое влияние в Южной Италии и, шаг за шагом, отступала перед арабами. После длительной и неудачной войны с Болгарией, по мирному договору 904 г., Византия уступила Болгарии значительную территорию и обязалась уплачивать ежегодную дань. Русь использовала затруднительное положение Византии, и последняя, будучи не в состоянии дать отпор русскому нападению, оказалась вынужденной пойти на невыгодный для себя мир.

Вместе с тем глава II не лишена ряда спорных положений. В частности, на основании анализа текста договоров и изучения обширной литературы вопроса М. В. Левченко приходит к выводу о правильности мнения ряда исследователей о существовании особого договора 907 г., являвшегося своего рода предварительным соглашением сторон перед заключением договора 911 г. Вопрос этот остается спорным и после исследования М. В. Левченко.

Уже А. А. Шахматов предположил, что текст так называемого договора, помещенного под 907 г., является отрывком из договора 911 г.³ Не исключена возможность и того, что «договор 907 г. составлен по образцу договора 944 г., откуда могла быть заимствована его основная часть.⁴

Сложнее дело обстоит с характеристикой внешнеполитической обстановки, в которой был создан договор 911 г.

Если, согласно Повести временных лет, договору 911 г. предшествовал успешный поход князя Олега на Константинополь, то византийские источники, как известно, вовсе не упоминают о появлении русских отрядов под Константинополем. Дальнейшее изучение вопроса должно пролить свет на это странное несоответствие свидетельств русских и византийских источников.

К сожалению, в главе уделено значительно меньше внимания, чем этого хотелось бы, разбору текста договора 911 г. в плане выяснения положенных в его основу источников, что было бы весьма важно для изучения взаимоотношений норм византийского и древнерусского права. Трудность

² См. также недавно опубликованную статью М. И. Корнеевой-Петрукан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. Ученые записки МГУ, вып. 150. М., 1952, стр. 255—281, а также книгу Silwiusz Mikucki. *Études sur la diplomatie russe la plus ancienne*. Krakov, 1953.

³ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки нефилологического общества, т. 8, 1915, стр. 385—400.

⁴ Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, стр. 66.

изучения этой проблемы заключается в том, что до сих пор отсутствует критическое издание текста русско-византийских договоров X в., в котором были бы привлечены варианты из древнейших летописных сводов и сделана попытка реконструкции протографа уникальных памятников древней Руси.

Вызывает известные сомнения и приведенная автором характеристика ремесленного производства в Византии X в., из которой явно напрашивается вывод о преобладании рабского труда в византийском городском ремесленном производстве. «Широкое применение рабского труда, со всеми вытекающими отсюда последствиями, является характерной особенностью византийского ремесла в X в. Раб как работник и даже хозяин мастерской встречается в «Книге епарха» повсеместно. Наличие дешевой рабской силы, не исключающее, впрочем, применения и наемного труда свободных, накладывает особый отпечаток на византийское ремесло» (стр. 96).

Едва ли такая картина, когда применение наемного труда только «не исключалось», может быть признана правильной для X в. Автор говорит о византийском ремесле в целом, но ссылака дается только на «Книгу епарха», документ, относящийся лишь к самому Константинополю, где в силу целого ряда условий рабский труд мог находить и несомненно находил значительно более широкое применение в ремесленном производстве, чем в остальных городах Византии. К тому же справедливость требует отметить, что и в «Книге епарха» не только рабы, но и наемные работники упоминаются «повсеместно». Поэтому и в отношении константинопольского ремесла нам представляется более правильной характеристика М. Я. Сюзюмова, который говорит лишь о том, что собственники мастерских в Константинополе в X в. еще не хотели «полностью переходить на труд мистив»⁵.

В третьей главе исследования М. В. Левченко обстоятельно рассматриваются события, связанные с нападением Руси на Константинополь в 941 г. Улучшение внутреннего и внешнего положения Византии в годы правления Романа Лакапина сказалось и на русско-византийских отношениях этого периода. Византия добилась заключения прочного мира с Болгарией, где ее влияние возрастало, создала могучий флот, обеспечивший в 924 г. разгром одного из наиболее опасных врагов Византии — Льва Триполийского, смогла перейти в наступление против Багдадского халифата на востоке, в короткий срок захватив значительные территории в Месопотамии и Сирии. «Теперь, когда дела поправились, византийское правительство, очевидно, признало для себя излишним соблюдать ранее заключенные с Русью договоры» (стр. 137).

М. В. Левченко приходит к выводу, что поход 941 г. едва ли возможно рассматривать как агрессивный акт со стороны Руси, так как на лучшие условия для торговли, чем те, которые Русь получила от Византии по договору 907—911 гг., она не могла рассчитывать и нападение на Константинополь было бы бессмысленным актом в этот период относительного укрепления военно-политической мощи Византии, если бы последняя выполняла свои договорные обязательства.

Однако, признавая правильным положение М. В. Левченко о том, что основной причиной похода послужил отказ Византии от выполнения условий договора 907—911 гг., все же едва ли возможно рассматривать его только как вынужденный акт, предпринятый киевскими правителями исключительно для защиты их насущных экономических интересов

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. ВВ, т. IV, 1951, стр. 14.

(стр. 139—140). М. В. Левченко полностью отрицает возможность того, что этот поход мог одновременно носить и грабительский характер. Заинтересованность Руси в экономических связях с Византией еще не может служить обоснованием для оправдания хищнических устремлений русских князей. Особенности военно-политического строя раннефеодальных монархий, в том числе и Руси, показывают, что для них грабительские походы были скорее характерным, чем исключительным явлением.

Анализируя свидетельства, относящиеся к периоду, последовавшему непосредственно за неудачным походом 941 г., М. В. Левченко приходит к выводу, что заключению нового русско-византийского договора 944 г. предшествовали «серьезные русские вооружения» (стр. 151), подготовка нового похода на Византию, заставившая последнюю искать соглашения с Русью⁶. Возможно, что заключению мира предшествовали и военные действия Руси в Крыму, а собранные для этой войны войска были затем использованы Игорем для похода в Закавказье. К заключению мира, не доводя дела до серьезных военных столкновений, правившего в то время Романа Лакапина толкала вся внутренняя и внешняя обстановка в Византии, сложившаяся к 944 г., когда успехи на восточной границе сменились неудачами, резко обострились противоречия внутри правящих кругов, среди которых росла оппозиция к Роману, приведшая к свержению его вскоре же после заключения договора. Поэтому инициатива заключения договора «на этот раз исходила от Византии» (стр. 152).

Однако в этом разделе следовало более выпукло показать то исключительно тяжелое положение, в котором оказалось правительство Романа в последние годы своего правления, когда оно настолько утратило поддержку среди господствующей верхушки, что вынуждено было заигрывать с константинопольским плебсом, пытаясь заручиться его поддержкой.

Подробно разбирая текст договора 944 г., М. В. Левченко приходит к вполне обоснованному выводу, что он был менее выгоден для русских, чем договор 911 г.: «Русь была вынуждена отказаться от некоторых прежних преимуществ, должна была снова платить торговые пошлины в Константинополе и взять на себя ряд новых обязательств по отношению к Византии» (стр. 154).

К сожалению, рассматривая всю эту борьбу вокруг договора, автор ничего не говорит об интересах византийской торгово-ремесленной верхушки. Создается впечатление, что в торговых отношениях с Византией была заинтересована только Русь. Вероятно, и отказ Византии от выполнения условий договора 911 г., о котором говорит М. В. Левченко, стоял в связи не только с общим военным усилением Византии, но и с тем, что Роман Лакапин, опиравшийся на константинопольскую бюрократию и торгово-ремесленную верхушку, проводил более энергичную политику в интересах последней, чем его предшественники. Не исключена также возможность, что Роман Лакапин стремился к скорейшему заключению договора на новых, более выгодных для Византии условиях не только в связи с военными неудачами, но и в связи с заинтересованностью константинопольской торгово-ремесленной верхушки в восстановлении нормальных торговых отношений с Русью.

Следующая, четвертая глава исследования М. В. Левченко посвящена анализу сочинений Константина Порфирородного как источников для

⁶ Об этой подготовке, возможно, свидетельствует и находка в Добрудже в 1950 г. — камень с русской надписью „Гьердех... лето 6451... Димитро“ (Г. Штефан. Достижения археологической науки в РНР. „Народно-демократическая Румыния“, № 1, 1951, стр. 67). Запись, возможно, говорит о подготовке похода „в Греки“ еще в 943 г.

изучения русско-византийских отношений в середине X в., когда в связи с усилившимися военными неудачами Византии последняя особенно большие надежды во внешней политике возлагала на дипломатию, нередко полагавшую ей в этот период выходить из весьма острых и затруднительных положений.

Произведения Константина VII являются важным источником по истории Византии, древней Руси и сопредельных стран. Наибольший интерес из них представляет детально разбираемый в главе трактат Константина «О народах», являющийся своеобразным сборником наставлений по основным вопросам внешней и, отчасти, и внутренней политики, предназначенным в качестве руководства для сына Константина Романа II. Особая ценность этого сочинения в том, что в нем широко привлечены официальные документы и нарративные материалы.

На основании анализа сочинений Константина Порфирородного М. В. Левченко дает убедительную характеристику политического мировоззрения византийской правящей верхушки. Несмотря на неудачи и испытания, постигшие «дела римлян», утративших свое господство «над миром», Константин не думал отказываться от представления об империи как всемирной монархии. «Византия — всемирная монархия, и она сохраняет право на все территории, которыми она некогда владела». Задача императоров — возратить потерянные территории и отсюда — основное внимание должно быть направлено на активную внешнюю политику, целям которой должна быть подчинена вся внутренняя политика. Византия искусно использовала все средства вплоть до старых политико-юридических теорий для укрепления своего влияния в сопредельных и зависимых от нее районах. Особенно полно и отчетливо, по мнению М. В. Левченко, эти тенденции византийской дипломатии разработаны в главах, посвященных Армении и Грузии, где Константин перечисляет целый арсенал средств, могущих способствовать упрочению власти Византии над Грузией и Арменией.

Основное внимание в главе уделено разбору сведений Константина о Руси и печенегах. При всей путаности этих сведений, содержащих позднейшие интерполяции (например, о княжении в Новгороде Святослава и др.), труд Константина во многих отношениях является чрезвычайно интересным источником по истории Руси середины X в., единственным византийским источником, в котором делается попытка охарактеризовать быт Киевской Руси.

В связи с этим следует отметить, что крайне необходимо новое обстоятельно комментированное издание перевода сочинений Константина на русский язык с привлечением всей рукописной традиции, что позволит всесторонне разобраться в ряде важных источниковедческих и филологических вопросов, не нашедших окончательного решения и в рецензируемой работе (время написания отдельных частей трактата «О народах», источники отдельных сведений автора, правильное чтение и понимание так называемых русских и славянских названий порогов и др.).

Рассматривая вопрос о сведениях Константина о народах Северного Причерноморья, М. В. Левченко приходит к выводу о недостоверности ряда обычно полностью принимаемых исследователями данных Константина, в частности о территориальном расселении восточнославянских племен и печенегов, и впервые обращает внимание на противоречивость оценки Константином роли и значения печенегов и их взаимоотношений с Русью. Константин явно переоценивал роль печенегов как прочного барьера против возможных русских походов. «Известно, — пишет М. В. Левченко, — что последующие события очень скоро показали ошибочность суждений

византийского императора. Печенеги не могли воспрепятствовать Руси ни торговать с Византией, ни воевать с ней при Святославе» (стр. 200—201). Не могут быть признаны полностью достоверными и многие сведения Константина о Киевской Руси, о которой он имел весьма смутное представление, не говоря уже о том, что Константин относился к Руси резко враждебно и уже поэтому не мог быть достаточно объективен. «В X в. Русь была уже слишком заметной политической силой в Восточной Европе, чтобы Константин мог совершенно обойти ее молчанием. Но он уделил ей мало внимания, так как Русь, по своей отдаленности, не могла быть объектом захватнических вожделений Византии и византийские политики в то время еще сомневались в возможности завербовать Русь в качестве постоянного своего союзника. Византийского императора интересует только вопрос, как избежать нового нападения Руси на Константинополь. Поэтому, если он допускает грубые ошибки в сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то естественно предполагать наличие таких же ошибок в известиях, относящихся к Руси» (стр. 213).

Значительная часть главы посвящена рассмотрению византийско-русских отношений в период княжения Ольги, в частности ее поездке в Константинополь. Автор отвергает развиваемую в последнее время в трудах некоторых болгарских ученых теорию о болгарском происхождении княгини Ольги. На основании ряда сведений и анализа данных о составе свиты Ольги в Константинополе он приходит к выводу о том, что путешествие русской княгини было вызвано «потребностями государственными и политическими» и, возможно, сопровождалось крещением Ольги в Константинополе, поскольку, хотя и имеется ряд противоречащих этому аргументов, отвергать крещение Ольги в Константинополе нельзя, так как о ее крещении в Киеве не говорит ни один источник, а о крещении в Константинополе сообщают согласно все не зависящие один от другого источники: русские, византийские и западноевропейские (стр. 538—539; ср. 227 сл.).

Однако некоторые положения М. В. Левченко в оценке им деятельности княгини Ольги вызывают возражения. Едва ли есть, например, достаточно веские основания для столь резкого, как это сделано в монографии, несмотря на известные оговорки, разграничения военно-рабовладельческой тенденции развития, выразителями которой, по мнению автора, были Олег, Игорь и Святослав, и феодальной, представленной Ольгой (стр. 236—237).

К сожалению, М. В. Левченко, видимо, осталось неизвестным издание трактата «О народах» Константина венгерским ученым Моравчиком, который впервые издал его с привлечением всей рукописной традиции⁷. Эту публикацию следует использовать при подготовке нового перевода сочинений Константина Порфирородного на русский язык, необходимость в котором уже давно назрела.

Рассмотрению чрезвычайно сложных взаимоотношений Византии и Руси во второй половине X в. посвящена следующая, пятая глава исследования М. В. Левченко. Глава начинается с анализа новой расстановки сил, складывавшейся во второй половине этого столетия, когда распад арабского халифата существенно облегчил положение Византии и дал ей возможность, после разгрома арабов, отвоевания Крита, Кипра и ряда владений в Киликии, приведшего к полному устранению арабской угрозы,

⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, 347 p. Рец. Iv. Дуйчев. ВЗ, Bd. 46, 1953, S. 119—123; см. также новое издание соч. „О фемах“: Constantino Porfirogenito. De thematibus. Introduzione. Testo critico-commento a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952.

обратить основное внимание на Балканский полуостров. В самой Византии к власти пришли агрессивно настроенные круги военной провинциальной аристократии, выдвинувшие в 963 г. на престол способного полководца Никифора Фоку, немало сделавшего для усиления военного могущества Византии. На основании анализа данных о состоянии империи и ее армии в это время автор выступает против выдвигавшегося некоторыми советскими исследователями неверного положения о полном военном бессилии империи во второй половине X в. (стр. 241).

Одной из наиболее ярких страниц русско-византийских отношений этого времени была борьба за Болгарию в годы правления Святослава, когда Византия начала открытую войну за покорение Болгарии⁸.

Временные неудачи после начала войны с Болгарией на восточной границе и неожиданный разгром византийской армии и флота в Сицилии, лишивший Никифора Фоку надежд на подкрепление, обусловили его решение «поручить ведение этой войны русским, потому, быть может, что Русь была далекой страной и через Болгарию, казалось, не могла угрожать Византии» (стр. 252). Истинные намерения Никифора Фоки, однако, остаются неизвестными и прежде всего неизвестно, рассчитывал ли он «только на то, чтобы ослабить и обезвредить болгар, или же на Святослава была возложена задача завоевать болгарские земли для империи» (стр. 255). С поручением был послан к Святославу Калокир⁹.

Поход Святослава состоялся, судя по летописям, в 967 г. (эту дату М. В. Левченко и принимает) или в августе 968 г., как о том свидетельствует Скилица. Датировка последнего отвергается автором, так как он считает, что греческий историк оказывается здесь в противоречии с Лиутпрандом, видевшим 19 июня 968 г. болгарских послов при дворе Никифора (стр. 258—259).

Однако этот довод можно отвести, если признать, что первый поход был предпринят Святославом в соответствии с просьбой византийского императора не против болгарского царя Петра, а против восставших болгар в Западной Болгарии. Восстание комита Македонии Николы, поддержанное богами, судя по неясному сообщению Скилицы, началось уже в 963 г. Болгарские послы, приходившие к императору в 966 г., могли быть представителями не царя Петра, а его политических противников, именно им и мог быть дан столь резкий ответ со стороны Никифора.

Смерть княгини Ольги (11 июля 969 г.), царя Петра (30 января 969 г.) и, наконец, гибель в результате дворцового переворота в конце 969 г. Никифора Фоки, смененного Иоанном Цимисхием, несомненно сказались на изменении дальнейшего хода войны в Болгарии.

После возвращения Святослава из Киева в Болгарию он подчинил своей власти всю Восточную Болгарию, сделав своим вассалом сына Петра царя Бориса. М. В. Левченко, вслед за М. Н. Тихомировым, правильно

⁸ В последнее время появился ряд работ П. О. Карышковского, посвященных византийско-русским отношениям при Святославе. См. его статьи: «Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава». Вопросы истории, 1951, № 8; «О хронологии русско-византийских войн при Святославе». ВВ, т. V, 1952; «Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе». Там же, т. VI, 1953; «К истории балканских войн Святослава». Там же, т. VII, 1953; «К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава». Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 9, 1952; «К истории балканских походов Руси при Святославе». Там же, вып. 14, 1954.

⁹ Однако у нас нет никаких данных для предположения, что Святослав собирался предпринимать нападение на Корсунь и что посольство Калокира, как это предполагает А. П. Каждан, было направлено с целью предотвратить его наступление на Херсонес (История Болгарии, т. 1. М., 1954, стр. 92).

отмечает, что Святослав в это время пользовался поддержкой части болгарского общества и в его войсках, наряду с русскими, находились болгарские отряды. Укрепление позиций Святослава в Болгарии заставило Иоанна Цимисхия выступить против него.

Длительная русско-византийская война, ход которой подробно изложен М. В. Левченко, окончилась крушением планов Святослава: русский князь оказался вынужденным оставить территорию Болгарии.

Хронология второй болгарской войны не менее запутана, чем хронология первой. М. В. Левченко предпочитает датировать последний поход Цимисхия против Святослава весной 971 г. (вслед за показаниями Скилицы, Яхьи и «Повести временных лет»), тогда как В. Г. Васильевский, Б. Д. Греков и ряд других исследователей датируют его 972 г.¹⁰ в соответствии с сообщением Льва Дьякона. Окончательно этот вопрос может быть решен только после глубокого источниковедческого анализа сохранившихся данных. Так, например, до сих пор считается, что Лев Дьякон и Скилица пользовались неким единым источником (об этом впервые писал М. Я. Сюзюмов, а за ним Ф. Дэльгер и П. О. Карышковский). На наш взгляд, сходство между этими источниками объясняется не общностью их источниковедческой базы, так как фактическая сторона описываемых событий у обоих авторов весьма различна и, что особенно важно, в деталях, а тем, что и Лев Дьякон и Пра-Скилица были современниками, т. е. обоим были доступны легенды, слухи и официальные версии, имевшие хождение в ту эпоху.

Пожалуй, ни один из источников по русско-византийским отношениям X в. не подвергался столь разнообразным толкованиям, как «Записка греческого топарха», анализу которой М. В. Левченко посвящает шестую главу монографии. Долгое время в литературе наиболее вероятной считалась гипотеза Ф. Вестберга, предполагавшего, что в «Записке» шла речь о столкновении крымских готов с хазарами около 863 г. Однако еще В. Г. Васильевский сопоставил упоминаемые в «Записке» «климаты» с одной из юстиниановских крепостей на Дунае — *Κλεμάδες* — и попытался связать этот документ с походом Святослава в Болгарию. Соглашаясь с В. Г. Васильевским в том, что события, рассматриваемые в «Записке», должны быть отнесены к Болгарии, а не к Крыму, М. В. Левченко в остальном отвергает гипотезу В. Г. Васильевского. Он считает, что «Записка» связана с междоусобной борьбой болгар во время византийско-болгарской войны при Василии II. Аргументация М. В. Левченко против гипотезы В. Г. Васильевского во многом может быть признана вполне убедительной. В частности, теперь едва ли можно сомневаться в том, что в «Записке» действительно нашли отражение междоусобицы среди болгар и что поэтому этот источник приобретает значительную ценность для изучения внутренних отношений в Болгарии. Но М. В. Левченко не удалось окончательно доказать, что действия топарха не относятся ко времени походов Святослава в Болгарию. В этой связи следует отметить, что М. В. Левченко почему-то совершенно обошел гипотезу М. Шангина, считавшего, что составитель «Записки» исходил из данных современного ему астрологического календаря, и на основании данных этого календаря относившего описанные в «Записке» события ко времени походов Свято-

¹⁰ Так, Скилица сообщает лишь о том, что император зимой 971 г. „готовился к походу“ (а не выступил в поход); согласно Яхье, в 360 г. хиджры (с 23 октября 971 г.) ромейские войска 5 месяцев стояли под Антиохией, когда Цимисхий находился в Болгарии. Но если мы добавим 5 месяцев к октябрю 971 г., то получится март 972 г., что не противоречит дате — весна 972 г., устанавливаемой для начала похода Цимисхия против Святослава.

слава¹¹. Нельзя признать достаточно убедительной и аргументацию М. В. Левченко против отождествления «климат» «Записки» с крепостью Κλημάδες Прокопия. По его мнению, «невозможно допустить, чтобы большое юстиниановское укрепление, построенное в VI в., сохранилось на Дунае до конца X в.». Однако «Записка» и не говорит о сохранении крепости, использованной топархом. Судя по тексту «Записки», сохранились лишь развалины крепости и, возможно, ее название в названии местности. Используя материал развалин, топарх построил новую крепость на месте старой, бывшей, вероятно, весьма удобной для обороны, так как юстиниановские крепости обычно строились в выгодных в военно-стратегическом отношении пунктах. Кроме того, надо принять во внимание, что эта юстиниановская крепость находилась как раз в порубежном районе между Западной и Восточной Болгарией, т. е. именно там, где происходили столкновения между восставшими западноболгарскими феодалами и сторонниками царя Бориса. А ведь именно эти события сам Левченко связывает с «Запиской греческого топарха».

Таким образом, и у гипотезы М. В. Левченко есть уязвимые места, и хотя в целом она может быть в настоящее время признана наиболее убедительно аргументированной по сравнению со всеми остальными, очевидно, что бесспорное решение вопроса о «Записке греческого топарха» станет возможным лишь в случае нахождения новых источников.

Одним из центральных моментов в истории отношений Византии и Руси было крещение Руси при Владимире. Этому вопросу в исследовании М. В. Левченко уделяется значительное внимание (гл. VII). Автор справедливо подчеркивает прогрессивное значение христианизации Киевской Руси, ее приобщение к более высокой византийской культуре. Вместе с тем он указывает на то, что принятие христианства укрепило власть феодалов над крестьянством. Церковь освящала феодальную эксплуатацию непосредственных производителей. С другой стороны, пишет М. В. Левченко, «христианизация Руси... была в то же время вынужденным для византийской дипломатии. Поражение Византии в борьбе за христианизацию Руси означало бы ее полную изолированность и, вероятно, значительно ускорило бы ее крушение под напором, с одной стороны, западноевропейских государств, а с другой — восточно-мусульманского мира» (стр. 382).

В главе убедительно решен ряд спорных вопросов первоначальной организации русской церкви. Много места уделяет М. В. Левченко внешнеполитической обстановке, в которой происходило крещение Руси.

Однако не все выводы автора в этой части могут считаться окончательно доказанными. Так, например, он относит сведения русской летописи о походе 985 г. на болгар к Камской Болгарии (стр. 344). Но уже Ф. И. Успенский, а за ним и В. Г. Васильевский привели серьезную аргументацию (почему-то совершенно обойденную автором) в пользу того, что в битве при Сердикe, окончившейся разгромом византийских войск 17 августа 986 г., рука об руку с болгарами сражались посланные туда русские войска. Известно, например, прямое утверждение византийского поэта X в. Иоанна Геометра, относящееся к битве при Сердикe, в котором он говорит, что «на нас устремляется русское всеоружие». В таком случае, сведения летописи следует отнести не к Камской, а к Дунайской Болгарии.

Недостаточно убедительно звучит и вывод М. В. Левченко о том, что крещение Владимира произошло в Херсонесе в 989 г. (стр. 362). Пока что нет достаточных оснований для того, чтобы полностью отвергать указания «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха на 987 год как год кре-

¹¹ Исторический журнал, 1942, № 9, стр. 122.

щения самого князя Владимира¹². Скорее всего, что крещение Владимира было все-таки одним из условий, которые выдвинул император Василий II, соглашаясь на брак русского князя со своей сестрой. Русские отряды, отправленные Владимиром в Византию после соглашения с Василием II, находившимся почти на краю гибели, содействовали разгрому Варды Фоки при Хрисополе и подавлению мятежа феодалов. Поход Владимира на Херсонес, предпринятый вследствие отказа императора выполнить неслыханные до тех пор условия договора, окончился успешно, и Владимир покинул Херсонес, по весьма убедительному предположению М. В. Левченко, весной 990 г. (стр. 370). Следовательно, принятие христианства киевлянами произошло не ранее 990 г.

В следующей главе автором рассматриваются русско-византийские отношения в XI в. Он подчеркивает, что в этот период преобладали мирные отношения, нарушенные только походом 1043 г. Основную причину похода автор видит в усилившихся притеснениях русских купцов со стороны византийской администрации в Константинополе и не разделяет мнения тех историков, которые считают возможным видеть в походе 1043 г. кульминационный пункт борьбы Руси за свою самостоятельность против угрозы со стороны Византии.

М. В. Левченко подробно останавливается на письмах Михаила VII Дуки, которые, по мнению В. Г. Васильевского, поддержанному П. Г. Безобразовым, были адресованы удельному князю Всеволоду Ярославичу с предложением союза. М. В. Левченко подверг весьма убедительной критике гипотезу Васильевского, далеко не во всем согласовавшуюся с содержанием писем. На основании нового изучения текста писем и анализа общей обстановки в Византии этого времени он пришел к выводам, совпадающим с мнением первого издателя этих писем Константина Сафы, полагавшего, что они предназначались норманскому герцогу Роберту Гюискару, с которым впоследствии и был заключен договор. «Находясь между двумя врагами, — пишет М. В. Левченко, — турками-сельджуками и южно-итальянскими норманнами, лишенная в то время возможности с оружием в руках бороться против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому». В этих условиях Византия и обратилась к Гюискару с предложением союза. Мало вероятно, чтобы в той обстановке Византия домогалась союза с одним из весьма отдаленных от Византии удельных князей Руси. Произведенный М. В. Левченко пересмотр проблемы писем Михаила VII Дуки заставляет признать маловероятной гипотезу В. Г. Васильевского, хотя и у автора рецензируемой монографии один из спорных вопросов о «единстве веры» не получил полного объяснения.

Следующие две главы исследования посвящены экономическим, политическим и культурным связям Византии и Руси в XI—XII вв., которые носили со второй половины XI в. дружественный характер. Это был период дальнейшего развития торговых отношений¹³. Об экономической заинтересованности русского купечества в торговле с Византией говорит, в частности, угроза киевлянам «отступить» в греческую землю, высказанная ими во время восстания 1068 г.¹⁴ Наступление мирных отношений автор прежде всего объясняет, с одной стороны, тем, что в связи с развитием

¹² К концу 987 — началу 988 г. относит крещение Владимира Б. Д. Греков. См. *Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.*, ч. 1. М., 1953, стр. 95.

¹³ Некоторые данные об этом см. в кн. М. Н. Тихомиров. *Древнерусские города*. Изд. II. М., 1956, стр. 124—126, 150.

¹⁴ Подробнее об этом восстании см. М. Н. Тихомиров. *Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.* М., 1955, стр. 82 и сл.

феодалных отношений в Киевском княжестве князья прекращают завоевательные походы, с другой стороны, усиливавшейся феодальной раздробленностью и ослаблением Византии, препятствовавшим ей проводить агрессивную внешнюю политику.

М. В. Левченко обобщает наблюдения советских историков, литературоведов и искусствоведов над различными сторонами взаимодействия византийской культуры с русским народным искусством и фольклором. Автор подчеркивает в заключение, что «все успехи русской культуры того времени, порожденные русской исторической действительностью, были достигнуты не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним» (стр. 471). Однако для этих двух глав характерна известная композиционная рыхлость. Не совсем ясны принципы, которые были положены в основу разделения IX («Экономические и культурные связи Византии и Руси в XI—XII вв.» — 43 стр.) и X («Византия и Русь в XII в.» — 26 стр.) глав, поскольку и в той и в другой рассматривается один круг вопросов.

Наиболее сжатой является последняя, XI (34 стр.) и, видимо, не завершенная полностью автором глава, посвященная одному из весьма сложных периодов взаимоотношений Византии и Руси в XIII—XIV вв. В ней дается представление о различных сторонах политических и культурных связей. Крайне скупо изложены торговые связи Руси с Византией. Весьма сложные отношения Руси с Константинопольским патриархатом в период господства монголов на Руси, как и борьба за автокефалию русской церкви, оказались вне специального рассмотрения автора, и обильный для XIV—XV вв. летописный и актовый материал, касающийся, главным образом, церковных отношений, использован далеко не полностью. Многообразные и сложные связи Византии и Руси этого периода подлежат дальнейшему изучению.

Очевидно, известной незаконченностью монографии объясняется и то, что вопросы, связанные с историей XV в., в ней не затрагиваются вовсе.

Говоря о проблемах, рассматриваемых во всей книге в целом, следует прежде всего отметить некоторую нечеткость в характеристике этапов развития феодального строя в Византии. В различных главах для одного и того же периода иногда приводятся не всегда согласующиеся друг с другом определения степени развития византийского феодализма. Так, в гл. II говорится (стр. 94—95), что в Византии VII—VIII вв. только «намечались формы феодализации» и что в дальнейшем, в X в., все большее значение приобретает «феодализирующаяся знать». В главе же I (стр. 65) Византия X в. рассматривается как страна уже полностью сложившегося феодализма: «Это был период, когда византийский феодализм, после победы иконопочитания, окончательно принял черты феодализма реакционного, тормозящего развитие производительных сил». В качестве аргумента, подтверждающего последнее положение, приводится расправа с павликианами: «Достаточно вспомнить свирепую расправу с павликианами». Но в какой мере она может рассматриваться как доказательство того, что византийский феодализм уже не только полностью сложился, но и вступил в стадию своего разложения, превратился в тормоз развития производительных сил? На протяжении всей книги читатель встречается то с «феодалами» (например, X в. — стр. 349—350 и т. д.), то с «феодализирующейся знатью» (X в. — стр. 95, 173, 396 и др.; XI в. — стр. 396, 440; XII в. — стр. 494) в X—XII вв., и для него остается не совсем ясным — происходила ли в X—XII вв. только феодализация Византии или уже сложился феодализм. Конечно, и в настоящее время проблема периодизации визан-

тийского феодализма еще недостаточно разработана в советском византиноведении. Однако из монографии все же трудно выяснить собственную точку зрения автора по этому важному вопросу.

В связи с этим стоит, видимо, и известная расплывчатость в обрисовке некоторых социальных групп господствующего класса, в частности константинопольской, столичной бюрократии, социальная характеристика которой остается для читателя не совсем ясной.

Следует несколько остановиться и на оформлении книги. Она вышла из печати полтора года спустя после смерти ее автора, и вызывает удивление, что книге не предпослано никакого введения от редакции. А между тем оно было необходимо для правильной ориентировки читателя, тем более что монография М. В. Левченко представляет интерес для широкого круга читателей: византинистов, историков СССР и балканских стран, преподавателей средних школ. От книги, вышедшей в 1956 г., читатель вправе требовать освещения новейшей литературы вопроса, и поэтому редакции следовало отметить, что книга создавалась в 1949—1952 гг. и что М. В. Левченко остался неизвестным ряд новых исследований и переводов источников, вышедших в последние годы.

Известно также, что часть проблем, рассматриваемых в монографии, была поднята в статьях, опубликованных М. В. Левченко на страницах «Византийского временника». Эти статьи нашли определенную и положительную оценку на страницах как советских, так и зарубежных журналов¹⁵. Многие из положений, выдвинутых в них М. В. Левченко и развитых затем в настоящей монографии, получили признание среди исследователей¹⁶. Все это следовало сообщить в предисловии, рассмотреть эти отзывы, высказать отношение к ним, что безусловно помогло бы читателю как следует разобраться в сложном и разностороннем исследовании и по достоинству оценить монографию М. В. Левченко.

Следует отметить, что рукопись, к сожалению, не была достаточно тщательно подготовлена к печати. В ряде мест отсутствуют необходимые ссылки, чего не могло бы случиться, если бы готовил рукопись к печати сам автор. В книге много иной раз досадных опечаток, искажений названий, терминов, имен и инициалов (например, на стр. 40, 81, 352 и др.), не включенных в список опечаток, который следовало бы значительно расширить. В ряде случаев перепутаны имена исторических лиц. Так, например, на стр. 11 вместо В. Г. Васильевского упоминается П. Н. Безобразов, на стр. 430 вместо Андрея Боголюбского напечатано «Андрей Богословский». На стр. 64 известное произведение Масуди «Золотые луга» превратилось в «Золотые лучи». Допущен и ряд искажений принятых в нашей науке терминов. Так, на первой же странице первой главы мы узнаем, что у славян был не «патриархально-общинный» строй, как принято думать, а «общественно-патриархальный» (стр. 33). Не везде выверен текст с литературной и смысловой стороны (стр. 43, 233, 239, 243—245, 276, 533). Во введении, например, говорится, что недостатки исследования одного из ученых «установлены рядом лиц, рецензировавших его работу» (стр. 27). Между тем ссылка дается на рецензию только одного лица. К тому же в ней неверно указаны и страницы, на которых содержится рецензия.

¹⁵ Byzantinoslavica, XV, 2, 1954, стр. 271—272 и 276; Byzantinoslavica, XVI, 2, 1955, стр. 389; Б. Т. Горянов. ВВ, т. IV. Вестник АН СССР, 1952, № 2, стр. 118—119.

¹⁶ Э. В. Удалцова. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке (Доклад на X Международном конгрессе по византиноведению). М., 1955, стр. 25—28.

Ссылочный аппарат не был выверен достаточно тщательно при подготовке рукописи к изданию. Отсутствует единая система ссылок, которой следовало придерживаться. Так, например, при ссылках на Журнал Министерства народного просвещения в одних случаях указывается только часть, в других — только год издания, а иногда — и то и другое вместе (стр. 81, 82, 85, 133, 134, 293, 338, 360).

Имеются искажения и в иностранных текстах. В списке опечаток читатель информируется о том, что имя Лиутпранда искажено только на стр. 147. Такое же искажение содержится и на стр. 221.

Вызывает неудовлетворение и другая сторона оформления книги. К монографии объемом в 553 стр., охватывающей длительный период русско-византийских отношений, многочисленных завоевательных походов и войн, продолжавшегося перемещения народов и возникновения и распада многих государств, приложена одна единственная и по существу мало связанная с текстом карта под названием — «Киевская Русь, Византия и соседние страны в XI в.».

Приходится выразить сожаление и о том, что при подготовке монографии к печати не была изыскана возможность включить в нее подобранные автором иллюстрации.

Разумеется, эти недостатки не могут быть поставлены в упрек автору работы, но они должны быть исправлены во втором издании книги.

В целом же, подводя итог настоящему обзору, следует сказать, что монография М. В. Левченко является серьезным вкладом в советскую историческую науку. Ряд положений автора являются спорными, но эта спорность объясняется прежде всего противоречивостью свидетельств самих источников, многие из которых не содержат достаточных данных для окончательного решения того или иного вопроса.

А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов

О ГЛАВАХ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ В ТРУДЕ ПРОФ. А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ „ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ“

Л., Изд-во ЛГУ, 1955, 374 стр.

Работа профессора А. Д. Люблинской — первый труд в советской историографии, посвященный источниковедению истории всех стран Западной Европы в эпоху феодализма; эта работа не может не привлечь внимания всех медиевистов, так как ни в русской исторической науке, ни в зарубежном источниковедении нет работ подобного типа.

Известно, что буржуазные ученые изучили и опубликовали огромное количество средневековых источников, выработали критические приемы их исследования, создали ряд хороших источниковедческих пособий по истории отдельных стран, главным образом типа подробных комментированных библиографий¹. Однако даже в таких классических трудах, как Ваттенбах и Молинье, главное внимание уделено повествовательным источникам и лишь попутно освещены некоторые виды документального мате-

¹ W. W a t t e n b a c h. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1858; A. M o l i n i e r. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. Part 1—6. Paris, 1901—1906; Ch. G r o s s. The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485. London. 1900.